

После ужина я устроился напротив окна и не сводил глаз с дома Янь Куншаня.

Возможно, логичнее всего было бы нервничать или вести себя сдержанно, но на самом деле я так переполнен предвкушением, что на ладонях выступает пот. К десяти часам вечера я почти засыпаю. В этот момент соседская дверь наконец открывается.

На руке Янь Куншаня висит стеклянный колокольчик, он повесил его на крючок под карнизом дома, потом мгновение смотрел на него, не отпуская. Кажется, он колебался, как будто не уверен, правильно ли повесить его обратно.

Мои руки сжимаются в кулаки, и мне хочется кричать.

Но, наконец, он убрал руку и зашел обратно в дом.

С встревоженным сердцем я спускаюсь по лестнице. Дедушка смотрел телевизор в гостиной. Он не заметил меня, потому что там идет страшная битва, а его глаза прикованы к экрану.

Я сомневался, что буду услышан, если буду громко передвигаться, но, несмотря на это, я все равно крался на цыпочках, как взломщик, пока не добрался до двери. Я открыл ее так тихо, как только мог, а затем пробрался наружу.

Я открыл ворота во двор Янь Куншаня и подошел к карнизу. Как и он, я долго-долго смотрю на колокольчик, пока, наконец, осторожно не снимаю его с крючка. Мне все равно, какие мысли приходили ему в голову, когда он вешал его; если он считает себя взрослым человеком, он не может отказаться от своего слова.

Я нажимаю на дверной звонок и жду, сложив руки за спиной. Ветер беспокойно кружится в воздухе летней ночи, как будто они шатаются по дороге домой в пьяном ступоре после ночи, проведенной за горячими котлетами и спиртным, и жалуются на своего босса.

Мои волосы давно высохли после душа; ветер ерошит их, пока они не оседают на щеках, слегка заслоняя глаза. Я давно не стригся: мне вдруг приходит в голову мысль подстричься перед началом школьной военной подготовки.

Пока я размышляю об этом, открывается дверь. Янь Куншань стоял на пороге и молча смотрел мне в глаза. Прошедший день вернул его индекс настроения к своему обычному белому цвету, хотя он регистрируется на уровне 68, что не так уж и много.

Я представляю, как мало найдется людей, которые могут спокойно отдыхать под тем напряженным взглядом, с которым он наблюдает за мной. Я опускаю глаза, поднося к нему ветряной колокольчик за спиной. Он берет его у меня и, подобно администратору в кинотеатре, который только что взял билет на фильм, отходит в сторону, чтобы пропустить меня в театр.

Я вхожу и добросовестно усаживаюсь на диван. Янь Куншань небрежно бросает ветряной колокольчик куда-то в фойе, затем идет на кухню.

- Что ты хочешь выпить?

Я уже подумываю сказать ему, чтобы он поторопился и занялся целью этого вечера, боясь, что абсурд, овладевший его мозгом, рассеется, и тогда он пожалеет о своем решении. Но потом я думаю, что атмосфера будет неподходящей, и я буду выглядеть непристойно.

Мой интерес к нему определенно начался с желания обладать его телом, но это не степень моего влечения к нему.

- Спрайт подойдет.

Янь Куншань вернулся через несколько минут, со «Спрайтом» в руке. Он щелкнул большим пальцем по закладке на крышке банки, прежде чем поставить ее на журнальный столик передо мной.

Я смотрю на Янь Куншаня, голова поднята, мы оба молчим. Он выпускает долгий вздох и садится рядом со мной, его настроение падает еще на два пункта.

- Юй Мянью, ты уже все обдумал?

Мне кажется, что это я должен задать ему этот вопрос, учитывая, что он выглядит так, будто его вот-вот заставят заниматься проституцией.

- Да, продумал.

Я слегка киваю.

- Давай сделаем это.

После недолгого колебания он кладет обе руки по обе стороны от моих плеч и начинает наклоняться. По мере того как его дыхание становится все ближе и ближе ко мне, я так нервничаю, что даже забываю моргать. Я просто неподвижно сижу на месте, спина прямая, как линейка, и жду своего первого поцелуя.

Но вдруг он останавливается и отодвигается, тихо ругаясь в разочаровании.

- Что я вообще делаю...?

Он ослабляет хватку на моих плечах и откидывается еще дальше назад.

Любой мужчина потерял бы рассудок в такой ситуации, верно? Так близко... Я ждал этого так долго, ждал того, чего ждал с того самого дня, как увидел его. Даже если это всего лишь один простой поцелуй, он может послужить достойным завершением этой моей мечты середины лета.

- Ты делаешь то, что делает меня счастливым.

Я хватаюсь за отвороты его рубашки, улыбаюсь ему, и, прежде чем он успевает понять, что происходит, я прижимаюсь к нему губами.

Его губы холодные, со смутным привкусом мяты. Его руки тут же снова сжимают мои плечи, на этот раз с такой силой, что я чувствую укол.

На самом деле я не умею целоваться, и не настолько смел, чтобы засунуть язык ему в рот, так что на самом деле наши губы просто соприкасаются без каких-либо дополнительных действий.

Как долго, с технической точки зрения, должен длиться поцелуй? Кажется, нет однозначного ответа.

Через несколько секунд я решаю, что достаточно долго; для первого поцелуя он был приятно запоминающимся. И вот мои пальцы расслабляются, и я выпрямляюсь, готовясь откинуться назад.

Янь Куншаня так приятно целовать, он на вкус как ледяная мята. Я не могу удержаться - прямо перед тем, как наши губы разойдутся, я облизываю его бантик Купидона. Краем глаза я замечаю слабый желтый цвет над головой Янь Куншаня, но прежде чем я успеваю подтвердить увиденное, меня внезапно дергают за плечи, и через долю секунды более сильная мятная сущность переполняет меня.

По сравнению с моим простым, невинным поцелуем, Янь Куншань целует так, словно он плотоядный, пожирающий меня. Его язык с силой проталкивается через пробор моих губ и прочесывает пещеру моего рта, как будто он хочет съесть меня, начиная с языка. Он лишает меня дыхания, сил; мое зрение начинает туманиться. Я дико цепляюсь за его одежду, как человек, дрейфующий в воде, цепляется за спасательный круг.

Так это поцелуй?

Это приятно, но в то же время пугающе.

Особенно когда после того, как он прикусывает мой язык, а я отдергиваю его, он путает свой язык с моим, уговаривая его высунуть обратно, и снова прикусывает его. Я инстинктивно

пытаюсь вырваться, но рука давит на мою шею, удерживая меня неподвижно, не позволяя сдвинуться ни на дюйм.

А, так это его стиль в постели?

Он ласкает заднюю часть моей шеи, поглаживая место, где мои кости встречаются друг с другом. Не сильно, но твердо.

Шея - слабое место большинства живых существ; когда львы, гепарды и другие хищники охотятся за добычей, они всегда сильно сжимают шеи своих жертв, пока те не перестают дышать. Поэтому, с биологической точки зрения, все хищники чувствительны к любому прикосновению к их шее.

Я инстинктивно вздрогнул, поскольку мое зрение становится все более нечетким. Мои извивания медленно ослабевают, как будто я овца, которую поймали за яремную вену, и которая отказалась от всех перспектив бегства.

Чем закончится этот поцелуй - для меня загадка. К тому времени, когда я прихожу в себя, я лежу на диване, а сверху на меня смотрит Янь Куншань, его дыхание неровное. Он зачесывает мои спутанные волосы назад за уши.

- Ты в порядке? - спрашивает он, выпрямляясь. Его голос на несколько регистров глубже, чем обычно. Он гладит пальцами мочку моего уха.

В состоянии полного оцепенения я последовательно вдыхаю большие глотки воздуха. Мне требуется много времени, чтобы понять, что он говорит.

- А, я в порядке.

Вот только почему-то совсем ослаб.

Проходит менее полусекунды, как вдруг я фокусируюсь на точке над головой Янь Куншаня. Мое зрение еще не полностью прояснилось, но там ничего нет. Ни цветов, ни цифр.

Такого никогда не было, ни разу за восемь лет. Я моргаю несколько раз. Все то же самое.

- Над твоей головой...

- Над моей головой? - Янь Куншань смотрит на потолок, затем спрашивает растерянным тоном:

- Что это?

- Там ничего нет...

У меня в голове полный бардак, но в попытке сформулировать свои мысли, я начинаю бредить, извергая слова повсюду, как человек под кайфом.

- Можно, можно мне снова приходить к тебе домой каждый день? В то же время, в то же место, пока я не поступлю в колледж. И еще, могу ли я вернуться в книжный магазин? Мне не нужны книги и не нужны деньги; в качестве компенсации я возьму... Я возьму то, что ты только что сделал. Но можешь ли ты не целоваться так долго? Я не смогу дышать, и у меня закончится кислород.

Отсутствие кислорода - причина того, что индекс настроения исчез? Мой мозг вообще в порядке?

Я быстро становлюсь озабоченной здоровьем своего мозга, мои переживания по сути преобладают над ошеломляющим ощущением, которое вызвал у меня поцелуй Янь Куншаня.

Прежде чем он успевает ответить, я встаю и направляюсь к двери.

- Я-я собираюсь уйти.

Когда я прохожу через крыльцо, мой мозг, очевидно, уже начал отключаться. Но это не мешает мне одним плавным движением схватить ветряной колокольчик и снять его.

Когда я открываю дверь в свой дом, дедушка все еще смотрит свою драму. По мере того как разворачиваются события в сериале, его индекс настроения мигает красным, потом зеленым, красным, потом зеленым.

Я стою и тупо смотрю на него, держа в руке ветряной колокольчик. Его индекс настроения все еще на месте, так почему же исчез индекс настроения Янь Куншаня? Потому что мы поцеловались? Или потому что мы обменялись слюной? Или потому что он целовал меня до тех пор, пока у меня не закончился кислород?

- Я так зол, как они посмели предать революцию? Вот предатель! - Дедушка хлопает себя по ляжке, и этот звук возвращает меня на землю.

Я торопливо сгибаюсь в талии и ползу обратно по лестнице тем же путем, которым я сбежал.

Когда я снова оказываюсь в своей комнате, я закрываю дверь и бросаю ветряной колокольчик на стол, а затем иду включать вентилятор на полу. После этого я опускаюсь на коврик и погружаюсь в размышления. Перевернувшись в новое положение и раскинувшись на коврике, как соленая рыба, я утыкаюсь лицом в подушку. Тепло начинает распространяться от моего лица к шее и ушам.

Потрясающе...

Я действительно целовался с Янь Куншанем, меня прижали к дивану и целовали до тех пор, пока у меня не перехватило дыхание, и я думал, что умру.

К тому же поцелуй был на вкус как холодная газировка с лаймом!

Мои ноги начинают раскачиваться вперед-назад, как пропеллер; я заглушаю подушкой свой пронзительный визг и маниакальный смех.

И тут до меня доходит, что я ушел, ничего не сказав. Мои ноги перестают дрыгаться и падают на пол, я переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок, думая о том, что Янь Куншань не сочтет меня безжалостным, ведь так?

На самом деле, все, чего я хотела, это «один» поцелуй; я даже не знаю, как мне удалось потом все это ему наговорить, чтобы иметь наглость требовать поцелуя каждый божий день.

И я даже украл его ветряной колокольчик...

Мое лицо снова начинает нагреваться, но на этот раз от стыда. Я внутренне вздыхаю, закрывая глаза.

Возможно, в своем подсознании я просто не хочу, чтобы это заканчивалось.

<http://bllate.org/book/12676/1122977>